

АЛАЙНА
САЛАХ

БОЛЧОНОК

Алайна Салах Волчонок

doc предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67571310
Алайна Салах Волчонок:

Аннотация

Они братья. Если на свете и есть противоположности, то это они. Итан Нортон – успешный адвокат, воспитанный и обходительный. Таких, как Тайлер Нортон, – плохишей, зарабатывающих на жизнь боями без правил, родители учили меня избегать. Но что, если избежать невозможно?

Содержание

Алайна Салах	4
1	5
2	13
3	22
4	30
5	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Алайна Салах

Волчонок

Современный любовный роман, Романтическая эротика,
Детектив

Теги: #мужское соперничество #триллер #любовь с первого взгляда

* * *

1

– Долго еще ехать, Итан? – нетерпеливо ерзаю задом по бархатной алькантаре эксклюзивного немецкого кабриолета. – Ты говорил, что осталось меньше ста миль, а мы, кажется, проехали все триста.

Мой мужчина отрывает сосредоточенный взгляд от дороги и посылает мне обаятельную улыбку, которой привык располагать к себе людей всех социальных статусов и возрастов: от смешливой санитарки в Массачусетском госпитале, где я работала, до почтенного окружного судьи.

– За последний час ты спрашиваешь это уже в третий раз, Рика. Если тебе хочется поскорее заняться со мной любовью, то неподалеку есть мотель. Остаться на ночь там я бы не рискнул, но провести парочку незабываемых часов с моей зажигательной девушкой – в самый раз.

– Ради бога, – шутливо толкаю его в плечо. – Ты всерьез думаешь, что каждый мой вопрос имеет сексуальный подтекст? Просто мне тяжело даются дальние переезды – сидеть на одном месте, как кошка в переноске, для меня подобно пытке.

Итан ласково треплет меня по волосам и возвращает внимание к дороге. Он ответственный водитель и редко позволяет себе надолго отвлекаться. С поверженным вздохом откидываюсь на спинку кресла и, не потрудившись спрятать

взгляд, в тысячный раз люблюсь элегантным профилем своего спутника.

Если бы меня спросили, существует ли на свете идеальный мужчина, я бы не задумываясь ответила: «Да». И имя этому мужчине – Итан Томас Нортон.

Шатен с пронзительными голубыми глазами, Итан имеет настолько поразительное сходство с актером Арми Хаммером, что пару раз наши ужины в ресторанах прерывались восторженными девичьими писканиями с просьбами об автографе. Это, разумеется, не главное. В свои двадцать шесть я научилась понимать, что привлекательная внешность мужчины – скорее приятный бонус. За что я по-настоящему ценю Итана – это за его блестящий ум и упорство, благодаря которым к тридцати двум годам он заработал себе репутацию адвоката, не знающего поражений; и за его выдающееся умение любить и заботиться о дорогих ему людях.

Я и Итан вместе уже два года. Если когда-нибудь у нас появятся дети, у меня в запасе есть увлекательная история знакомства их родителей.

В мои первые недели стажировки в Бостонской больнице в приемное отделение поступил пациент с переломом носа. Пока я нетвердыми руками стажера останавливала кровотечение и очищала лицо от подтеков, мы разговорились, и парень рассказал, что пострадал от рук грабителей, пытаясь вернуть пожилой женщине украденную сумку. Отправив его домой с ватными тампонами, торчащими из носа, и листом

рекомендаций от врача я почувствовала укол сожаления, что Итан, как представился парень, не спросил моего номера телефона.

Каково же было удивление, когда этот обаятельный супермен, которого, к слову, ничуть не портила рассеченная переносица, появился в больнице на следующий день с огромным букетом чайных роз и пригласил меня на свидание. Быстро поставив на весы размышлений все «за» и возможные «против», я согласилась, потому что, собственно, никаких «против» у меня и не находилось. Я была свободна от последних отношений с мультидолларовым протеже отца уже несколько месяцев и не прочь окунуться с головой в небольшую любовную авантюру. Разумеется, тогда я и предположить не могла, что невинное свидание в уютном итальянском местечке с пастой и белым вином выльется в то, что я оставлю родной Бостон и соглашусь переехать в Нью-Йорк, где Итану предложили место в крупной адвокатской конторе. Туда мы, собственно, сейчас и едем. На время, пока мы будем подыскивать постоянное жилье, было решено остановиться в доме его покойного отца, который скончался от сердечного приступа больше десяти лет назад. С матерью Итана у меня не было возможности познакомиться, но он пообещал, что обязательно представит нас, как только та вернется из месячного тура по Лигурийскому побережью.

Когда через час мы, наконец, останавливаемся возле массивной резной ограды, я со стоном облегчения толкаю пас-

сажирскую дверь и опускаю затекшие ступни на асфальт.

– В доме долго никто не жил, поэтому не удивляйся, если увидишь паутину и пыль, – с этими словами Итан извлекает из бардачка небольшой пульт и тычет в него пальцем, отчего ворота начинают разъезжаться в стороны с характерным скрежетом застоявшегося металла.

– Садись в машину, малыш, – кивком головы указывает на соседнее кресло. – Въедешь в родовое гнездо Нортонов с королевскими почестями.

В данный момент почести меня заботят меньше, чем квадратный зад, поэтому я отрицательно кручу головой:

– Хочу пройтись.

Автомобиль Итана, с хрустом сминая гравий низкопрофильными покрышками, въезжает внутрь двора, а я шагаю за ним следом, не переставая с любопытством оглядываться по сторонам.

Родовое гнездо Нортонов – массивный двухэтажный дом в стиле модерн с длинным бассейном в задней части двора и небольшим теннисным кортом. Я никогда не расспрашивала Итана о его семье, полагая, что он сам расскажет мне все, что посчитает нужным, но одно могу сказать точно: он явно не страдал от отсутствия денег на карманные расходы в детстве. Этот дом ничуть не уступает родительскому в Бостоне, а я знаю, какую астрономическую сумму отец потратил на его покупку.

– Этим лужайкам не помешает садовник, – весело сооб-

цаю вышедшему из машины Итану.

– Садовник, чистильщик бассейна, уборщица... – перечисляет он, запечатлевая быстрый поцелуй на моих губах. – Все, что посчитаешь нужным. Мама не любит ездить сюда, поэтому весь дом в нашем распоряжении.

Нагрузившись привезенными вещами, мы идем ко входу, и Итан, просунув замысловатый ключ в скважину замка, распахивает тяжелую дверь. Характерный затхлый запах моментально бьет в ноздри и заставляет морщиться.

– Я предупреждал, – с извиняющейся улыбкой говорит Итан, пропуская меня вперед.

– Ерунда. Хорошая уборка исправит дело.

Интерьер дома подтверждает мои догадки о небедственном положении семьи Нортон: немного тяжеловесная, но, без сомнения, элитная мебель, дорогая паркетная доска, причудливые светильники с явным намеком на дизайнерское участие и много, очень много пространства.

Я одергиваю тяжелую бархатную портьеру, рассыпая по комнате пыль и солнечный свет, и подмигиваю:

– Через пару дней я превращу это место в благоухающий райский уголок.

Итан подходит ко мне сзади и, обхватив губами мочку уха, запускает руку мне под футболку.

– Не сомневаюсь, Рика. А теперь давай я покажу тебе спальню.

Урчащие нотки в его голосе не дают шанса усомниться в

том, что произойдет дальше. Великолепный секс – это еще один плюс в копилку идеального Итана: он чувственный и нежный любовник, и именно с ним я узнала, что оргазм в постели способен испытывать двое.

Мы наперегонки поднимаемся на второй этаж и там, на накрытой чехлом кровати, занимаемся сексом в нашем первом совместном жилище.

Июньское утро в Форест-Хиллс встречает меня бьющими в пыльное стекло солнечными лучами и необычайной бодростью. После почти десяти часов сна я полна энергии превратить свой план по благоустройству нашего с Итаном жилья в жизнь.

Я выскальзываю из кровати и, натянув футболку, трогаю его за плечо:

– Эй, соня. Я умираю хочу кофе. Тебе сварить?

Ответом мне служит глухое бормотание, которое я расцениваю как согласие, и аккуратно прикрыв за собой дверь, шлепаю босыми ногами по длинному коридору к лестнице.

По пути несколько раз останавливаюсь, потому что кажется, что я слышу какой-то посторонний шум, напоминающий звуки льющейся воды. Это, разумеется, чушь. В привидения я перестала верить еще в четыре года, да и вряд ли Касперу когда-нибудь взбрело бы в голову принимать душ.

Распаковав привезенные пакеты, засыпаю молотые кофейные зерна в турку и, разобравшись с плитой, ставлю на включенную конфорку. Смахиваю пыль со стульев и стола, и

когда приступаю к готовке сэндвичей, мою талию обвивают знакомые руки.

– Когда-нибудь ты станешь замечательной женой, Рика, – ласково звучит мне в висок.

– Подай сыр, подхалим, – хихикаю, не переставая старательно размазывать масло по квадратному тосту. Я не слишком сильна в готовке, но, если уж мы с Итаном решили жить вместе, я приложу все усилия, чтобы стать хорошей хозяйкой.

Объятия исчезают, замещаясь шуршанием бумажного пакета, которое через секунду стихает.

– Эй, где мой...? – я оборачиваюсь с намерением шутиливо отчитать нерадивого помощника, но тотчас же замолкаю, потому что вижу, что Итан застыл возле окна, сжав челюсть до взбугрившихся желваков.

– В чем дело? – осторожно подхожу ближе.

Итан молчит, и отчего-то я уверена, что он меня даже не слышал. Прослеживаю направление его взгляда и невольно хмурюсь.

Во дворе рядом с идеально чистым Порше, нарушая все понятия о парковочной симметрии, стоит огромный черный внедорожник, по стекла покрытый брызгами грязи.

– Кто это, Итан? – спрашиваю после секундного замешательства.

Его ответ удивляет меня не меньше, чем увиденное, потому что никогда, ни разу Итан не позволял себе в моем при-

сутствии подобную грубость.

– Это Тайлер, мать его, – цедит он, ни на секунду не отрывая невидящего взгляда от окна. – Мой младший ублюдок-брат.

2

– У тебя есть брат? – растерянно разглядываю идеально выбритую щеку. – Но... ты мне никогда о нем не говорил.

Несколько раз моргнув, Итан отрывает взгляд от окна и поворачивается ко мне. Черты его лица постепенно разглаживаются, возвращая мне мужчину, которого я знаю: уравновешенного и невозмутимого.

– Эта та часть биографии нашей семьи, о которой я бы предпочел не вспоминать. Если ты слышала выражение «паршивая овца в стаде», то это как раз о нем. Отец бы в гробу перевернулся, узнай, каким вырос этот... – он поджигает губы, словно подыскивает в своем лексиконе подходящее слово, – его младший сын.

Кофе на плите начинает предупредительно шипеть, наполняя кухню запахом подгоревших зерен, но я не могу пошевелиться, все еще пораженная услышанным. Как случилось, что за два года, что мы вместе, Итан ни разу не упомянул о том, что у него есть младший брат? Что могло произойти между ближайшими родственниками, что вызвало эту жгучую неприязнь, мрачными тенями мелькающую в глазах Итана?

– А как же твоя мама? – глажу его плечо в надежде немного расслабить. – Она тоже не общается с Тайлером?

Рука Итана вздрагивает под тканью идеально выглажен-

ной рубашки, заставляя меня отдернуть ладонь и спрятать ее за спину.

– К счастью, у нас разные матери, Рика. Этот ублюдок – мой брат лишь наполовину.

Уже во второй раз внутренности неприятно сводит от хлесткого слова «ублюдок». Сейчас оно неприятно вдвойне, наверное, оттого, что Итан явно использует его в оригинальном значении.

– Кофе горит, – раздается мрачный хриловатый голос за нашими спинами.

От неожиданности сердце проваливается вниз и, будто разогнавшийся теннисный мячик, снова подпрыгивает к подбородку. Я вдруг осознаю, что стою посреди кухни в одной футболке, к счастью, достаточно длинной, чтобы скрыть далекое от скромности белье, да и воронье гнездо на моей голове – совсем не та укладка, с которой я привыкла встречать незнакомых людей. Словно заторможенная юла, кручусь на сто восемьдесят градусов и замираю на месте, неделикатно приоткрыв рот.

Я совершенно зря переживала по поводу того, что окажусь самой раздетой на территории этого дома, потому что из одежды на парне напротив – лишь белое махровое полотенце, обмотанное вокруг бедер. И слух меня отнюдь не подвел: судя по влажным волосам, падающим ему на лоб, и поблескивающим на торсе каплям воды, это не Каспер плескался в душе.

Ударная волна раздражения, исходящая от Итана, иглами вбивается в кожу, но даже она не останавливает меня от неприличного разглядывания незнакомца. Уж слишком разительно он отличается от всех парней, с которыми я привыкла общаться в университете, и тех, с кем меня пытался свести отец. Мы с ним явно ровесники, но в его темном, почти черном взгляде столько мрачности и холода, что я невольно задаюсь вопросом, в какой среде он вращается и чем зарабатывает себе на жизнь. На ту же мысль наводит серповидный шрам на его щеке, явно полученный много лет назад, и несколько заживающих кровоподтеков на ребрах и ключицах. Он точно равнодушен к спорту, потому что такие тела без усилий не достаются: красиво вылепленные мышцы рук, треугольный торс, широкий, но без намека на перекачанность, рельефная грудь и твердые прямоугольники пресса.

Я корю себя за то, что так откровенно его рассматриваю, но оправдываюсь тем, что не каждый день вижу в десятифудовой близости образец тела со страниц «Sports Illustrated». Это всего лишь свойственное человеку любопытство, не более того.

– Что ты здесь делаешь? – разносится арктический голос Итана над моими волосами.

Парень равнодушно царапает мое лицо черным взглядом и переводит глаза на брата.

– Это и мой дом, – развернувшись спиной, он снимает тур-

ку с плиты и начинает наливать кофе в одну из приготовленных мной чашек.

– Рика готовила это не для тебя, – рывкает Итан, отодвигая меня в сторону. – Ты не имеешь никакого...

– Я хочу кофе, – невозмутимо отзывается парень, приваливаясь бедрами к кухонному островку, отчего полотенце немного сползает вниз, обнажая резную букву V.

Я не страдаю излишней стыдливостью, но сейчас быстро опускаю глаза в пол, начиная разглядывать свой розовый педикюр. Очевидно почувствовав мое смущение, Итан переключает внимание на меня: убирает с лица упавшую прядь и обнимает за талию.

– Ты к нам надолго? – спрашивает уже более спокойно, и от меня не укрывается, как он демонстративно расправляет плечи, словно пытается вернуть себе самообладание.

Парень делает шумный глоток и, поставив чашку на столешницу, несколько раз проводит ладонью по взъерошенным черным волосам.

– Я буду нечасто здесь появляться, если ты об этом.

Он в два глотка расправляется с обжигающим кофе и, игнорируя открытую посудомойку, моет за собой чашку, после чего молча выходит из кухни.

Чувствую себя по-идиотски. Этот парень планирует задержаться здесь минимум на несколько дней, а нас даже не представили. С другой стороны, кто мешал мне самой проявить инициативу, назвав свое имя? Хотя младший брат

Итана явно не из тех, кому важно расположить к себе людей, и кто будет интересоваться, как мои дела, при встрече. Так почему я должна переживать, что наше знакомство не сложилось?

Я не физиономист, но отчего-то мне кажется, что мы вряд ли поладим. Во-первых, он едва на меня взглянул. Мой утренний образ далек от привычных канонов женской красоты, но я способна трезво оценивать свою внешность и знаю, что, как минимум, не могу быть противной. А еще я склонна доверять Итану, и вряд ли его неприязнь к брату является необоснованной, а это повод относиться к Тайлеру с осторожностью.

Просто удивительно, что эти двое – кровные братья, потому что в их внешности, помимо роста, нет ни малейшего сходства. Итан худощавый и светлокожий, с тонкими аристократическими чертами лица, Тайлер же широкоплечий и смуглый, и с большой вероятностью, его мать – уроженка Латинской Америки.

– Позавтракаем? – разбиваю повисшую тишину.

Отмерев, Итан опускается на стул и машинально делает глоток за чашки, которую я перед ним поставила.

– Если тебе неприятно его присутствие, – говорю осторожно, – мы можем подыскать другое жилье.

Итан раздраженно грохает кружкой о стол, заставляя меня подскочить от неожиданности, и его тонкие ноздри раздуваются от негодования.

– Я не оставлю этого щенка распоряжаться имуществом моей семьи. Пусть не думает, что может вот так просто зайти в дом, на который он не имеет ни малейшего права.

Я не слишком сильна в юриспруденции, но разве, имея общего отца, Тайлер не вправе претендовать на долю в наследстве? Однако, глядя на ожесточившееся лицо Итана, решаю попридержать собственное любопытство до более подходящего случая.

В молчании мы дожевываем приготовленные мной сэндвичи, и когда я приступаю к уборке стола, за окнами раздается звук заведенного двигателя. Секунд через тридцать во дворе воцаряется тишина, плечи Итана ощутимо расслабляются, и на лице появляется намек на улыбку.

– Сегодня я поеду в офис. Чем планируешь заняться?

– Садовник, уборщица, чистильщик бассейна, – пожимаю плечами. – Намерена сдержать свое обещание и превратить это место в райский уголок.

– Я вовсе не собирался делать из тебя раба лампы. Уборка может подождать. Ты планировала увидеться с Дженни, разве нет?

Дженни моя старшая сестра, которая живет в Нью-Йорке больше десяти лет. Она вырвалась из оков родительского контроля, поступив в Колумбийский университет, а на четвертом курсе вышла замуж за своего однокурсника, чем вызвала огромное недовольство отца, лишённого права вето на негодный по его материальным критериям брак. К сча-

стью или к сожалению, меньше чем через год Дженни подала на развод, и с тех пор ведет образ веселой нью-йоркской холостячки: крутит многочисленные романы с мужчинами всех возрастов, путешествует по миру и божится, что никогда больше не выйдет замуж. С сестрой мы не виделись почти одиннадцать месяцев, и я клятвенно обещала ей по приезде оторваться как следует.

– Встречусь с ней завтра. Боюсь, если я хоть день протяну с уборкой, у меня выработается пожизненная аллергия на пыль.

– Ну хорошо, – Итан подходит ко мне и целует в губы. – Если тебе что-то понадобится – звони. Если мой... брат... – он еле заметно морщится, будто это слово выжигает ему язык, – если он появится, дай мне знать.

Приняв душ и переодевшись в строгий рабочий костюм, Итан уезжает из дома, а я плюхаюсь на диван и принимаюсь штудировать интернет в поисках выездных служб по уборке. Провисев на телефоне битый час и получив единоголосный ответ, что все они готовы довести мое жилище до стерильности не раньше завтрашнего дня, я падаю головой на диванные подушки и набираю номер сестры.

– Добро пожаловать в Нью-Йорк, толстушка! – слышу ее бодрый голос в трубке. Ее «толстушка» – насмешливая дань моей природной худобе, которой она дразнит меня с детства. – Готова вылезти из-под папочкиного крыла и познать, что такое настоящая жизнь?

– А есть предложения?

Ответом мне служит задорный смех, от которого во внутренних моментах моментально начинает пузыриться азарт. Дженни обладает удивительным свойством приносить атмосферу праздника везде, где бы она ни появилась. Вот и сейчас мы обменялись лишь парой фраз, а я уже перебираю в голове весь привезенный гардероб, размышляя, что бы надеть на предстоящую вылазку. Мне и правда не помешает немного оттянуться. В конце концов, это Нью-Йорк – искрящийся жизнью мегаполис, а я та, кто в течение года брала сверхурочные смены в больнице, чтобы доказать себе и окружающим, что я больше, чем избалованная дочь своего влиятельного отца.

– Сегодня. Только ты и я, – загадочно произносит Дженни. – У меня есть билеты.

– Обожаю билеты. – с усмешкой цитирую фразу из любимого кинофильма. Жду, что сестра расскажет о конечном пункте назначения, но она лишь сгущает ауру таинственности:

– Будь готова к десяти. Каблуки повыше, платье посексуальнее. Где вы остановились?

Продиктовав Дженни адрес, я слышу короткое «Я за тобой заеду» и следующие за ним гудки.

Мысленно попросив Господа, чтобы сестре не пришлось в голову повести меня на концерт какого-нибудь рэпера, по которым она так фанатела в детстве, я поднимаюсь с дивана

и плетусь в гардеробную. Если уж мне и суждено шагнуть в неизвестность, то я сделаю это, выходя на миллион долларов.

3

– Хей, толстушка! – задорно восклицает Дженни, распахивая глянцевую дверь своей Тойоты. – Кажется, за год у тебя, наконец, появилось что положить в декольте.

Сестра выходит из машины и начинает вращаться по часовой стрелке, словно пирожное на элитном кондитерском стенде, давая мне возможность насладиться ее эффектным образом.

Джен исключительная красавица: натуральная блондинка с пышными формами, к тому же обладающая сокровенным знанием, как их правильно подать. Общие знакомые говорят, что мы с сестрой очень похожи, вот только мои волосы темнее и ростом я выше.

Дженни старше меня на четыре года, однако между нами никогда не было сестринской вражды или конкуренции. Я с уверенностью могу назвать ее своей лучшей подругой, и хочется верить, что она считает так же.

– Выглядишь сногшибательно, Джен, – резюмирую, сливаясь с ней в сестринских объятиях.

– Ты тоже, малышка Рика, – на эту короткую фразу голос сестры теряет привычную смешливость и пропитывается нотами теплоты, которые мгновенно переносят меня в наше детство, когда она заплетала мне причудливые косички и тайком от родителей разрешала смотреть любимый мульт-

сериал.

– Дворец ничего себе так, – присвистывает Дженни, разглядывая мое временное пристанище через ворота. – Это дом Итана?

– Его семьи. Правда, здесь никто не живет. Его отец давно умер, а матери, кажется, больше по душе обитать на Манхэттене. Есть еще брат.

– У Итана есть брат? – незаинтересованно переспрашивает сестра, грациозно приземляясь на водительское кресло. – Ты мне ничего о нем не говорила.

Обойдя машину, я занимаю пассажирское кресло и пристегиваю ремень безопасности. Дженни никогда не была аккуратным водителем, и вряд ли что-то изменилось за время, что мы не виделись.

– Так что за сюрприз с билетами ты мне приготовила?

– Не хотела говорить до последнего момента, чтобы не повергать в шок твоего законопослушного избранника.

Сестра и Итан встречались пару раз на семейных ужинах, организованных мамой, и сразу поладили, однако это не мешало ей время от времени подтрунивать над его правильностью и педантичностью.

– И-и-и-и...? – вопросительно поднимаю брови.

– Бои без правил, – подмигивает сестра и, прежде чем я могу начать возмущаться, вдавливая педаль газа в пол, от чего флагман японского автомобильного концерна с визгом срывается с места.

– Худшим вариантом в моей голове были билеты на концерт Канье Уэста. Когда ты, черт подери, успела увлечься боями без правил?

– Я там, где море тестостерона, детка, – беззаботно парирует сестра, опуская солнцезащитный козырек со встроенным зеркалом. Убедившись, что макияж в порядке, захлопывает его и переводит взгляд на меня. – А что плохого в боях без правил, Рика? Чем они отличаются от боксерских поединков, которыми так бредит отец?

– Ничем. Поэтому я их и не смотрю. Понятия не имею, кто вообще получает удовольствие, глядя на то, как два человека наносят друг другу увечья.

– Люди по натуре жестокие существа, толстушка. Звериные инстинкты у нас в крови. Бои гладиаторов, рыцарские турниры... историю не переписать. Мордобои всегда будут в почете у публики, и чем публика богаче, тем она кровожаднее.

– А для чего ты ходишь туда, Джен?

– Тусовка и азарт, – она беспечно пожимает плечами. – И красивые парни, конечно. У меня есть свои любимчики.

Я не предпринимаю попытки смыть с лица скепсис, поэтому сестра использует запрещенный прием: посылает мне одну из своих улыбок, которыми в детстве успешно выторговывала у отца прощение за многочисленные шлодничества.

– Обещаю, если тебе не понравится, мы сразу же уйдем.

Я со вздохом киваю, потому что не хочу портить вечер, и

слышу, как сестра бормочет себе под нос:

– Но ты бы обязательно осталась, если бы знала, во что мне обошлись эти билеты.

Кажется, судьба вечера решена.

Мы оставляем машину на обнесенной забором парковке и, стуча каблуками, направляемся в сторону здания, возле входа в которое кишит толпа.

– Что я говорила? – самодовольно хмыкает сестра. – Хищники, жаждущие крови.

Я уныло оглядываю скопище людей и в третий раз за последнюю минуту одергиваю подол вечернего платья, откровенно жалея, что не оделась скромнее. Не знаю, каков дресскод на подобных мероприятиях, но сейчас мне искренне хочется, чтобы вместо тугого огрызка ткани, норвящего продемонстрировать окружающим мое нижнее белье, на мне были свободные брюки.

Когда мы подходим к зданию, Дженни обхватывает мое запястье и тащит в противоположную от забитого входа сторону. Я не сопротивляюсь, потому что по опыту знаю, что ждать очереди с простыми смертными сестра не привыкла. Остановившись перед неприметной двери с глазком, Джен уверенно барабанит по ней костяшками. Через секунду на пороге появляется ослабившийся амбал с ярко выраженной диастемой, хотя, возможно, я и ошибаюсь, и у него просто не хватает зуба.

– Скучал, старичок? – кокетливо усмехается Джен, про-

тискиваясь мимо него.

Под изучающим взглядом парня я семеню следом, боясь хоть на секунду потерять сестру из вида.

– Привела подружку, куколка? Она такая же заводная, как ты?

– Подбери слюни, Карсон. Рика моя младшая сестра, поэтому попрдержжи свои сальные шуточки.

Чувствую себя маленьким ребенком, который по случайности попал в мир больших игрушек. Я и сама могу за себя постоять, но что-то подсказывает мне, что сейчас лучше придержать язык за зубами.

Мы идем по длинному коридору до тех пор, пока не упираемся еще в одну дверь, за которой, судя по отдающейся в стены вибрации, и происходит главное действие. Сестра дергает массивную ручку, и в ту же секунду меня слепят огни бесчисленных софитов, а уши закладывает от грохочущей музыки.

– Билеты, – преграждает путь чернокожий громила, по размерам не уступающий тому типу с невыясненным зубным дефектом.

Закатив глаза, сестра лезет в сумочку и извлекает два цветных прямоугольника. Демонстративно помахав ими у него перед носом, небрежно пихает их обратно и, схватив меня за руку, тащит в сторону переполненных трибун.

– У нас лучшие места, – гордо объявляет Дженни, когда мы в сопровождении заинтересованных взглядов муж-

чин протискиваемся к арене, по виду напоминающей боксерский ринг.

– А где же сиденья? – начинаю оглядываться по сторонам.

Сестра обвивает рукой мою шею и заливисто хохочет:

– Сиденья?! Да любой сидящий удавился бы за эти места.

Расслабься и наслаждайся зрелищем.

Теперь, когда я знаю, что мне, очевидно, придется провести несколько часов стоя на четырехдюймовых каблуках, к списку моих пожеланий к этому вечеру, помимо брюк, добавились еще и кроссовки.

Шоу боев без правил проходит по всем законам жанра, с которым я познакомилась, посмотрев «Малышку на миллион»: участники, одетые в шорты и накидки с капюшонами, выходящие на ринг под энергичное музыкальное сопровождение; голос конферансье, эффектно растягивающих гласные, показательные потасовки перед боем в стиле известного задиры-ирландца и омерзительные звуки рассекаемой кожи. К концу второго боя мне становится настолько тоскливо и неинтересно, что я начинаю изучать трибуны, но судя по перекосенным от возбуждения лицам как мужчин, так и женщин, скучно и неприятно здесь лишь мне одной.

– Эй, убери эту кислую мину, – дергает меня за указательный палец сестра. – Сейчас будет драться мой любимчик.

Я нехотя поднимаю взгляд на ринг, и в ту же секунду переполненный зал оглашается звуком протяжного волчьего воя.

– Это он, это он! – возбужденно восклицает Джен, под-

прыгивая на месте. – Мой фаворит, Волчонок.

Волчьи завывания, от которых кожа рук покрывается мурашками, стихают, заменяясь рок-композицией, по звучанию напоминающей раннюю «Metallica».

Ведущий сыплет пафосными эпитетами, но я его почти не слышу, вглядываясь в парня, который уверенной походкой спускается на ринг по освещенному лестничному проему.

Его лицо скрыто под тканью наброшенного капюшона, и все, что попадает в видимость, это черные спортивные шорты с белым логотипом, резинка которых опоясывает будто выточенную из камня букву V и рельефный пресс с отметинами ссадин. Взгляд невольно спускается к его ногам: длинным и мускулистым, с характерными выступающими венами на икрах. Мужские ноги – мой фетиш со времен увлечения студенческим баскетболом, и сейчас я не могу перестать разглядывать ноги этого парня, замороженная тем, как перекачиваются под загорелой кожей латеральные и медиальные мышцы.

– У тебя что-то на подбородке, – усмехается сестра, смахивая с уголка моих губ воображаемую слюну.

– Мой интерес чисто анатомический, – шутливо скидываю ее руку. – Мне интересно, сколько белка в день потребляет этот парень, чтобы поддерживать такую мышечную массу.

– Скоро ты увидишь его лицо, и вся эта медицинская чушь вылетит у тебя из головы.

Парень выходит на ринг под оглушительное скандирование толпы и, несколько раз приподнявшись на носках, небрежным движением скидывает капюшон. Мое изумление тонет в восторженных женских визгах, протяжном улюлюкании сестры и завывании конферансье:

– Дамы и господа, встречайте Тайлера Но-о-ортонa, больше известного как Волчонок.

4

– Правда он красавчик? – голос сестры врывается в мой онемевший ступор. – Смотри, какие скулы... и этот взгляд. Есть в нем что-то... звериное.

Облизав пересохшие губы, наблюдаю, как Тайлер сбрасывает с себя накидку и делает несколько круговых взмахов плечами.

– А он не слишком молод для тебя? – переспрашиваю машинально.

Спохватившись, что могла обидеть сестру, с опаской смотрю на Дженни, но, к счастью, ее самооценку подобными замечаниями не покоробить.

– Замуж я за него выходить все равно не планирую, а вот провести одну зажигательную ночь... – Она многозначительно играет бровями, эффектно откидывая назад завитые локоны. – Держу пари, Волчонок и в постели просто зверь. Впрочем, тебе стоит увидеть, как он двигается, и ты сама все поймешь.

– Это брат Итана! – слова мне приходится выкрикнуть, потому что динамики взрываются звуками лающей рэпчины, а ведущий начинает сыпать градом пафосных эпитетов, представляя соперника Тайлера.

Несколько секунд сестра непонимающе хлопает голубыми глазами и, сложив губы буквой «О», с шумом выдувает свое

удивление.

– Родной брат адвоката-зануды – звезда боев без правил?

– Мы познакомились этим утром. И, кажется, какое-то время будем жить под одной крышей.

С последней фразой лицо сестры расплывается в щедрой белозубой улыбке:

– Надеюсь, Итан не против гостей. Потому что теперь я точно планирую наведываться к своей сестренке как можно чаще.

Наш незамысловатый диалог прерывается возбужденным ревом зрителей, заставляя обеих повернуть головы в сторону ринга. Соперник Тайлера, огромный рыжеволосый бугай с торчащей бородой, не обращая внимания на прыгающего рядом худощавого рефери, тычет пальцем в грудь парня и, судя по агрессивным движениям челюсти, рычит что-то нелицеприятное. Конечности мгновенно сковывает страх: хотя Тайлер и рыжий практически одного роста, последний гораздо крупнее и больше похож на окорок, заросший жиром и мясом.

Толпа неистовствует, требуя кровавого зрелища: зрители жаждут, что противник потеряет самообладание и начнется потасовка. Сердце начинает биться в груди так сильно, что, кажется, его толчки заметны через ткань платья.

На лице Тайлера застыло то же выражение, что я видела этим утром: равнодушная холодность. Кажется, провокации рыжего никак его не задевают. Не сводя взгляда с брызжу-

щей слюной физиономии, он достает из кармана шорт прозрачную капу и помещает ее в рот.

Раздается удар гонга, и вместе с ним по залу прокатывается изумленное аханье, потому что ровно в ту же секунду Тайлер делает короткое молниеносное движение головой, ударяя соперника в переносицу. Неуклюже взмахнув руками, гора мяса по инерции отлетает на несколько шагов назад и непонимающе трясет бородой, стремительно окрашивающейся кровью.

– Он очень быстрый, – возбужденно цокает языком сестра.

Я ее восторгов не разделяю. Опускаю взгляд на ладони и понимаю, что рассекла свежим маникюром кожу до алых полумесяцев.

Через несколько секунд рыжий приходит в себя и угрожающе надвигается на Тайлера. Отчего-то тот не предпринимает ни малейшей попытки увернуться, когда разъяренный соперник выбрасывает вперед кулак размером с мою голову и с глухим звуком вонзает ему под ребра.

Я невольно вскрикиваю и от ужаса жмурю глаза. Теперь понятно, откуда у брата Итана все эти кровоподтеки и ссадины.

– Он живой? – боюсь преждевременно разомкнуть веки. Так же я делаю в кинотеатре, когда вижу сцены насилия.

– Можешь открывать глаза, Рика, – теплая ладонь Дженни трогает мое запястье. – Он всегда задорит соперника. Уве-

рена, триумф бородача долго не продлится.

С такой же беспечностью Тайлер пропускает удар в ключицу, отчего трибуны начинают недовольно галдеть, а хор писклявых женских голосов скандировать: «Убей его, Волчонок».

Опьяненный успехом Дровосек, как представил его ведущий, расшагивает по периметру ринга, поднимая кулаки вверх с призывом поддержать его овациями, а я в этот момент искренне недоумеваю, почему вместо того, чтобы использовать его тупую браваду и нанести удар, Тайлер просто ждет.

– Смотри, – доносится до меня дрожащий от возбуждения голос сестры. – Сейчас... вот сейчас. Смотри...

Оттолкнувшись от ограждения, рыжебородый разбегается с намерением нанести еще один сокрушительный удар, и когда расстояние между ним и его застывшим соперником остается меньше чем критические четыре фута, Тайлер делает резкий рывок вперед, и все, что я успеваю заметить – это занесенную руку, обмотанную белым бинтом. Раздается тошнотворный хруст ломающихся костей, и следующим кадром рыжая борода лежит на полу без движения. Рефери молниеносно подбегает к нему и начинает считать, но еще до того, как он называет финальную цифру, сестра торжественно произносит:

– Нокаут.

С колотящимся сердцем я смотрю на Тайлера и вижу, что

ледяная паутина его взгляда потрескалась, и за ней угадывается бушующее пламя. Помимо воли прослеживаю капли пота, стекающие по его вискам, и то, как быстро поднимается и опускается мускулистая грудь. В ту же секунду по нервам проносится двухсотвольтный разряд тока, потому что пламенеющий взгляд устремляется на меня. Пальцы сами находят переброшенную через плечо сумку и с силой сжимают. Я чувствую себя так, словно меня застали на месте преступления, но тем не менее отвести глаза не получается. Узнал ли он меня, после того как едва взглянул утром? Наверное, нет.

Мы смотрим друг на друга так долго, что это переходит все границы приличия, и когда я уже собираюсь сделать над собой усилие и оторвать взгляд, полуголая ринг-герл татуированной рукой обвивает шею Тайлера и под заводное улюлюканье зрителей жадно присасывается к его губам. Перемотанная окровавленным бинтом рука ныряет в ее волосы и их сжимает, после чего девушка отстраняется и, победно потряхнув взлохмаченной копной, покидает ринг.

– Тяжело, наверное, встречаться с бойцом, – бормочу я, пытаюсь привести дыхание в норму.

– Ты думаешь, она с ним встречается? – фыркает сестра. – Не пройдет и пары боев, как эта подстилка запихнет язык в рот кому-то другому.

– Тогда почему он ее целовал?

– По той же причине, почему я хочу пересечься с этим парнем после боя. Тонны нерастраченного тестостерона рав-

но умопомрачительный секс.

– И когда ты стала такой шлюхой? – не удерживаюсь от смешка.

– Ханжи называет это распутством, я же зову это свободой.

Сестра берет меня за руку и, пятясь назад, тянет за собой:

– Пойдем навестим бар. С появлением Волчонка здесь стало жарковато.

– Смотри, куда прешь! – раздается раздраженное шипение из-за ее спины. Оно исходит от перекошенной от злости дамы, которой с одинаковым успехом может быть сорок или шестьдесят, благодаря напичканным под кожу инъекциям. Бр-р. Уж лучше занять пару лишних морщин, чем каждый день носить на лице такую одутловатость.

– Вы не на приеме у английской королевы, – огрызается сестра. – Это бои без правил, и здесь никто не застрахован от того, что возбужденная фанатка не оттопчет вам ногу.

Доказывая собственную правоту, Дженни легко можетвязаться в драку, поэтому я мягко обхватываю ее за талию и выхожу вперед.

– Приносим свои извинения, мисс, – говорю без сожаления. – На подобных мероприятиях действительно сложно соблюдать дистанцию.

Считая, что на этом конфликт исчерпан, я пытаюсь обойти энциклопедию пластической хирургии, но женщина вдруг делает знак рукой, и через секунду перед нашими изумлен-

ными взглядами материализуется рослый увалень с толстой золотой цепью на шее.

– Серьезно? – с издевкой фыркает сестра, обливая его презрением. – И что этот тираннозавр сделает? Погрузит нас в багажник и пустит пулю в лоб за то, что я наступила на твои прошлогодние босоножки от Валентино?

Ох, Дженни. Не нужно подкидывать в эти крошечные мозги отличную идею.

Пока я пытаюсь прикрыть источающую сарказм сестру собой, рука тираннозавра смыкается на моем предплечье и дергает так, что я едва не валюсь с неустойчивых каблучков. Которые, кстати, из новой коллекции.

– Извиняйся, – раздается мне в лицо зловонный рык.

Я бы и пошутила, что у меня на примете есть неплохой дантист, если бы в этот момент мне не было так страшно. Что я могу сделать? Закричать? Судя по настроениям здешней публики, они, скорее, начнут скандировать: «Убей».

– Руки убери, – доносится из-за спины знакомый голос с хрипотцой, от которого все нервные окончания мгновенно подтягиваются к коже и каждый волосок на теле встает дыбом.

Тираннозавр теряет ко мне интерес: захват на плече исчезает, а близко посаженные глаза устремляются вверх моей головы.

Я едва успеваю отскочить в сторону, когда под восхищенное аханье сестры амбал шагает к Тайлеру. Мой вопль «Не

надо!» так и умирает в горле, потому что мускулистая рука, покрытая шрамами, предупредительно перехватывает шею тираннозавра до того, как тот успевает приблизиться.

– Извиняйся, – коротко приказывает парень, и по белеющим фалангам его пальцев я понимаю, что он усиливает захват.

В сгрудившейся вокруг нас толпе воцаряется тишина, которая спустя несколько секунд прерывается сипящим «Извините». С молотящим в ушах пульсом наблюдаю, как Тайлер отпускает мясистое горло и под надрывное кашлянье амбала переводит холодный взгляд на меня.

– Ты нормально?

Пытаясь проглотить комок из страха и адреналина, я молча киваю, не в силах перестать разглядывать его лицо: густые черные брови и яркие губы, испещренные мелкими шрамами.

– Вам лучше уйти, – продолжает парень, переводя взгляд на сестру. Видимо, волчье чутье безошибочно подсказало ему, кто в нашей женской стае альфа.

Не переставая беспорядочно хлопать ресницами и широко улыбаться, сестра несколько раз кивает головой, после чего обнимает меня за плечи и без слов увлекает к выходу. Я послушно иду за ней через расступающуюся толпу и не могу отделаться от ощущения, что взгляд Тайлера преследует меня до тех пор, пока тяжелая дверь за нами не захлопывается.

5

– Как прошел вчерашний вечер? – спрашивает Итан, затягивая идеальный узел на темно-синем галстуке. – Вы с сестрой устроили тур по нью-йоркским барам? Не слышал, как ты вернулась.

Дженни оставила меня в Форест-Хиллс глубоко за полночь, когда Итан, привыкший ложиться не позднее одиннадцати, уже спал. Ему вряд ли понравится мой ответ, но и утаивать правду я не собираюсь.

– Мы ходили на бои без правил. Дженни до последнего не говорила мне о планах на вечер, поэтому отказываться было уже поздно.

Пальцы Итана, держащие запонку, замирают на белоснежной манжете.

– Ты же не любишь бои и жестокость, – медленно выговаривает он, сводя брови к переносице. – К тому же посещать подобные мероприятия двум молодым привлекательным женщинам отнюдь не безопасно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.